

А. П. БУТЕНКО

К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ: РАЗНЫЕ ПУТИ РОССИИ И КИТАЯ

Отличительная черта современной международной ситуации, могущая весьма серьезно повлиять на дальнейший ход мирового развития, состоит в том, что на огромных пространствах двух крупнейших государств мира – республиках бывшего Советского Союза и Китайской Народной Республики – происходят глубокие социально-экономические перемены, официально называемые тут и там переходом к рыночной экономике.

Однако эта общность объявленных целей по мере продвижения к ним отнюдь не сближает эти страны, не делает их взаимные связи теснее, не ведет к тому, что растет официальный взаимный интерес к внутреннему развитию друг друга, а обмен опытом и практическими достижениями не становится более весомым. Напротив, при всех дипломатических заверениях о взаимной заинтересованности в расширяющемся сотрудничестве и при определенном развитии в самые последние годы взаимовыгодных политических и экономических связей очевидно, что каждый новый шаг к провозглашенной цели России и Китая, вопреки торжественным заявлениям дипломатии, не только не сближает, а взаимно настораживает друг друга.

Разумеется, политические лидеры обеих великих держав, прекрасно сознавая удельный политический вес и международную значимость другой страны, нос не некоторой «дипломатической паузы» начала 90-х годов и последнее время заговорили даже о «стратегическом партнерстве», но, как все понимают, к этому сближению и оживлению отношений двух стран их внутреннее развитие не имеет никакого отношения, ибо активизация двусторонних контактов – бесспорное следствие других, международных причин, тех

перемен и сдвигов, которые произошли и происходят на мировой арене и результате крушения двухполюсного мира и распада одной из супердержав – Советского Союза. В этой ситуации Россия и Китай желают жить в системе международных отношений без диктата в ней какой бы то ни было державы, в условиях многополюсного мира, поддерживаемого и Россией и Китаем, ибо в таком мире каждая из этих держав рассчитывает занять свое достойное место.

Возникает вопрос: в чем же дело? Почему сходство, если не совпадение объявленных целей – желание России и Китая восстановить полноценный рынок, перейти к рыночной экономике – не находит положительного отклика у наших власть имущих и их либеральных идеологов? Чаше всего объяснение видят в том, что современный Китай, весьма успешно идущий избранным путем, быстро воссоздающий полноценный рынок, заявляет при этом, что остается верным идеалам социализма, в то время как наши реформаторы, терпящие одну неудачу за другой, называют себя чуть ли не первооткрывателями другого пути – «возвращения от социализма к капитализму». Было бы неверно отрицать, что в таком объяснении содержится большая доля истины. Но есть и нечто другое. Оно заключается в том, что позитивный опыт перемен в Китае решительно опровергает как наших, так и многих зарубежных реформаторов, заявляющих, будто для стран «реального социализма», оказавшихся в системном кризисе и социально-экономическом тупике, нет другого выхода, как разгосударствление и приватизация предприятий, реставрация «западного рынка», т. е. возврат к капитализму. Успешное реформирование Китая, не только сохраняющего социальные завоевания трудящихся, но и социалистическую перспективу страны, – наглядное опровержение подобной лжи: его опыт показывает, что для преодоления возникших трудностей, требующих широкого использования товарно-денежных отношений, рынка, вовсе не нужно возвращаться ни к допотопному, ни к современному капитализму, а тем более обращаться к услугам спекулятивно-бюрократического капитала.

1. Почему для России и Китая необходим возврат к рыночной экономике?

Ответ на поставленный вопрос вовсе не таков, как его формулируют современные либералы у нас и за рубежом. Они заявляют, будто Россия и Китай как две страны «реального социализма» в силу утопичности социализма оказались в историческом тупике, выход из которого у обеих стран один – назад, к рыночной капиталистической экономике, которая, дескать, только и может вывести эти, как и другие страны «реального социализма», на торную дорожку прогресса. Причем либералы считают, что Россия уже вступила на этот «спасительный путь», а Китай, все еще заявляющий о социализме, вот-вот тоже вступит на этот путь. Все эти рассуждения либералов – сознательная дезориентация! Правда же такова: виноват вовсе не «утопизм» социализма, а то, что Советский Союз и Китай относятся к странам, которые в своем «социалистическом прошлом» совершили сходное ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАБЕГАНИЕ, связанное с преждевременным, волевым упразднением рынка и рыночной экономики, а сейчас каждая из двух стран по-своему преодолевает негативные последствия этого забега.

Поэтому, прежде чем заниматься конкретной ситуацией, сложившейся в странах к началу реформ, следует сказать несколько слов о самом ИСТОРИЧЕСКОМ ЗАБЕГАНИИ как общественном явлении. Всем известна неравномерность экономического и политического развития народов, стран и регионов, являющаяся одной из общих закономерностей человеческой истории. Ее проявления и следствия изучены еще весьма недостаточно, хотя уже в XIX столетии, но особенно в XX в. обнаружилось связанные с ней разные формы общественного развития: ОТСТАЮЩЕЕ, ДОГОНЯЮЩЕЕ и ОБГОНЯЮЩЕЕ развитие (которые уже отчасти исследованы в научной литературе), а также выходящее за их рамки ИСТОРИЧЕСКИ ЗАБЕГАЮЩЕЕ развитие как характерный спутник всемирно-исторического перелома в жизни общества при переходе от бедности, эксплуатации и антагонизмов к достатку и социальной справедливости¹.

Отмечая общность стоявшей перед Россией и Китаем задачи – преодоления последствий ИСТОРИЧЕСКОГО ЗАБЕГАНИЯ и об-

¹ Эта большая проблема, только затрагиваемая здесь, нуждается в подробном рассмотрении, что может стать специальным исследованием.

щего средства ее решения - возвращения к рыночной экономике, следует хотя бы кратко напомнить, как оказались в этой ситуации Россия и Китай.

Как известно, Октябрьская революция застала Россию на такой ступени развития, о которой говорили: «Россия еще не смолола той муки, из которой можно испечь пирог социализма». Большевики, В. Ленин прекрасно сознавали это и совсем не собирались «вводить социализм», понимая, что из этого ничего хорошего не получится. У них был план осуществления осторожной политики, рассчитанной на выход из войны, решительное завершение буржуазно-демократической революции и подготовки шаг за шагом объективных и субъективных условий, «цивилизационных» предпосылок для будущего перехода к будущему социализму. Эта осторожная политика должна была представлять собой нечто вроде нэпа. Много лет спустя Н. Бухарин писал: «По сути дела «новая экономическая политика» была именно той политикой и программой, с которой мы вступили в революцию. Она составляла «идейный лик революции». И она была сорвана развитием гражданской войны и интервенции»².

Сорванная развитием гражданской войны и интервенции, взвешенная политика, учитывающая низкий уровень экономического развития, была заменена политикой «военного коммунизма» и «кавалерийской атаки на капитал» - политикой ИСТОРИЧЕСКОГО ЗАБЕГАНИЯ, ошибочно пытавшейся, по словам В. Ленина, «велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкокрестьянской стране»³. Это историческое забегание стало особенно очевидным, когда расчеты большевиков на то, что неизбежная победа рабочей революции в Германии позволит соединить усилия экономически отсталой России с индустриально развитой Германией⁴, из-за поражения революции в Германии не оправдались. Нет ничего удивительного в том, что ошибочная послеоктябрьская политика большевиков, нацеленная на свертывание товарно-денежных отношений, на преждевременное устранение

² Бухарин Н. Цезаризм под маской революции. М., 1925. С. 22–23.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 151.

⁴ См.: Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991.

рыночной экономики, на непосредственный переход к бестоварному социализму, глубоко врезавшись в общественное сознание, вызвала экономический и политический кризис в стране, привела к Кронштадтским событиям 1921 года. Это заставило большевиков, В. Ленина и Л. Троцкого выступить за замену продразверстки продналогом, за восстановление рыночной экономики, т. е. за переход к нэпу. Страна вступила на путь быстрого экономического подъема.

Но эта вспышка здравого смысла, направленная на преодоление забегания, «звездой падучею мелькнула»: крупные экономические успехи НЭПа в 1921–1929 годах породили и свои трудности и проблемы, но В. Ленина уже не было. В связи с утверждением сталинской власти, действовавшей в рамках сталинской концепции социализма и созданного им официального «марксизма-ленинизма», был избран и сталинский путь выхода из трудностей – посредством восстановления политики чрезвычайщины и левачества, создания мобилизационной командно-административной экономики сталинского образца, где индивидуальное потребление граждан «во имя великих целей» было сжато до тех пределов, где нормальное функционирование незапрещенной рыночной экономики было невозможным. Таков был путь сталинского псевдосоциализма казарменного типа.

Свой особый и неповторимый путь ИСТОРИЧЕСКОГО ЗАБЕГАНИЯ прошел и маоистский Китай, который в 1949 году вступил на путь революционных преобразований, будучи еще менее зрелым для «введения социализма», чем Россия в 1917 году. Важно и то, что если в Советском Союзе взгляды Маркса, Энгельса и Ленина были подменены официальным сталинским «марксизмом-ленинизмом», то в Китае уже этот левачский вариант марксизма был еще раз существенно трансформирован в радикально-левацком духе идей Мао.

Здесь нет возможности и необходимости подробно писать о том, как уже вскоре после победы новодемократической революции 1949 года и утверждения демократической диктатуры народа (власти четырех классов) свершилось уже китайское ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАБЕГАНИЕ. Как сначала исчез этап новодемократической

революции и демократической диктатуры народа, «трансформировавшись» в социалистическую революцию и диктатуру пролетариата, как осуществлялась политика «трех знамен»: генеральной линии, коммун и «большого скачка», как на передний план выдвинулась формула близкого вступления в коммунизм по принципу «три года упорного труда и десять тысяч лет счастья». Именно эта политика, сопровождаемая террором хунвейбинов, творцов «культурной революции» и «удара по штабам», через много лет будет оценена как «феодално-фашистская».

Анализ объективных и субъективных условий «социалистических» преобразований в Китае и СССР (России), тех идеологических концепций, на основе которых осуществлялись эти преобразования, говорит о том, что в результате ИСТОРИЧЕСКОГО ЗАБЕГАНИЯ как в одной, так и в другой стране был создан «казарменный коммунизм» (псевдосоциализм), где была разрушена нормальная рыночная экономика, было создано общественное устройство, где, как предвидел К. Маркс, внешние атрибуты социализма сочетались с повсеместным отрицанием личности⁵.

Когда современные либералы распространяются на тот счет, что страны «реального социализма» должны возвратиться в лоно мировой цивилизации, хочется сказать им: да, из ИСТОРИЧЕСКОГО ЗАБЕГАНИЯ действительно НАДО ВОЗВРАЩАТЬСЯ, но только ясно понимая, КУДА и ДО КАКИХ ПРЕДЕЛОВ следует идти в этом ВОЗВРАЩЕНИИ, чтобы не были утрачены уже достигнутые рубежи ПРОГРЕССА, чтобы возвращение не превратилось в настоящий РЕГРЕСС. Потому так и разнятся перемены в России и Китае и их результаты, что только в одной из этих стран руководство нашло должную МЕРУ ВОЗВРАТА, в то время как в другой ВОЗВРАТ превратился в настоящий РЕГРЕСС со всеми его трагическими последствиями.

2. Уроки сходства и различия в осуществленных переменах

Сопоставление перемен в России и Китае – неопровержимое свидетельство решающей роли СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА,

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 114.

ОТВЕТСТВЕННОСТИ РЕФОРМАТОРОВ за столь различающиеся результаты реформ.

Урок первый, исходный. С самого начала, когда обнаружилась невозможность жить по-старому, перед китайскими и советскими руководителями встал ОДИН И ТОТ ЖЕ ВОПРОС: что прежде всего необходимо знать, чтобы успешно руководить переменами в своих странах и сделать эти перемены органичными, результативными? СХОДНЫМ было также и то, что в СССР и Китае перемены начинались и развивались (в Китае с 1978, г., в СССР с 1985 г.) ВО ИМЯ СОЦИАЛИЗМА, в целях совершенствования и упрочения его завоеваний. Поэтому для КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕМЕН и туг и там первостепенное значение имело решение ТРЕХ вопросов: что такое социализм и каковы условия его реализации? Какова природа существующего в стране устройства? Как, какими средствами и путями обеспечить переход от второго к первому? Для успеха перемен необходимы были верные ответы. Каким было реальное, а не декларативное отношение к этой проблеме?

Китайские лидеры руководствовались тем, что нет ничего более практичного, чем хорошая теория, а потому, проанализировав состояние китайского общества и задач, подлежащих решению, пришли к выводу о необходимости творческого развития теории применительно к складывающейся ситуации, теории, формулирующей цель и условия перехода, а также необходимые для этого средства, приоритеты, последовательность намечаемых перемен и - то, как обеспечить поддержку перемен широкими массами населения. Результатом этого и явилась концепция «социализма с китайской спецификой».

В отличие от этого и несмотря на декларации, советские руководители с самого начала пренебрегли теорией: если отбросить декларативные заявления, то ни у перестройщиков М. Горбачева, ни у сменивших их реформаторов Б. Ельцина не оказалось теории, адекватной происходящему, не было ясной и цельной, поэтапной концепции выхода страны из системного кризиса и обдуманного перехода России к рынку в экономике и к демократии в политике. Постоянно повторяя гражданам «Нужна перестройка! Нужна перестройка!», так вразумительно и не разъяснили, что и во что следует

перестраивать. Призывая совершить экономическую реформу, так и не представили программы этой реформы, а клянясь в верности демократии, так и не разъяснили гражданам: чья и для кого должна быть устанавливаемая демократия.

Однако существенные РАЗЛИЧИЯ в подходе к теории, в понимании ее значимости не перечеркивали того, что и те и другие руководители, начиная перемены, называли себя «марксистами-ленинцами», хотя чаще всего довольствовались тем его содержанием, которое в коммунистическом движении вкладывал в него И. Сталин, претендовавший на четвертого «классика» этой теории. Поэтому на старте перемен в Китае и СССР (соответственно в 1978 и 1985 гг.) адекватного понимания – научного осмысления – подлежащих решению вопросов не было. Как показала последующая практика, то неверно понимались природа самого социализма и условия его реализации, то неадекватно оценивался характер существовавшего устройства, подлежащего преобразованию, то, как следствие этих заблуждений, ошибочно определялись стратегия и тактика перемен.

Делавшиеся в СССР и Китае ссылки на Маркса и Энгельса, хотя и помогали, сами по себе не давали необходимой для перемен концепции: ведь они формулировали свое понимание социализма и путей перехода к нему, имея перед собой вовсе не Россию и Китай XX, а развитый капитализм XIX века, обнаружившиеся тенденции его дальнейшего развития, а также возможные для своего времени пути его революционного преобразования. Здесь же (в СССР и Китае) речь шла о переходе к социализму стран, не прошедших стадии высокоразвитого капитализма, что требовало своего подхода и соответствующей концепции. Была ли она налицо? В каких-то аспектах необходимые для концепции идеи содержались в трудах не только Маркса и Энгельса, но и Ленина, социал-демократов, представителей других социалистических движений. Было ли это тем, что необходимо для успешного перехода к социализму в здешних условиях?

После этих предварительных замечаний обратимся к концепции перемен.

Начнем с выяснения того, ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛИЗМ И КАКОВЫ УСЛОВИЯ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ? Сегодня мы знаем, что социализм – это общество людей труда, свободных от Эксплуатации и гнета, обладающих политической властью, распоряжающихся средствами производства и результатами труда. Это общественный строй, могущий возникнуть только на той ступени развития производительных сил, когда ТРУД в своей непосредственной форме и НАУКА как непосредственная производительная сила становятся столь производительными, что позволяют изжить БЕДНОСТЬ и НИЩЕТУ, а тем самым устранить без ущерба для общества частную собственность, рыночную экономику, эксплуатацию и угнетение.

СХОДСТВО в толковании сути СОЦИАЛИЗМА в СССР и Китае состояло в том, что и тут и там осуществление социализма отождествлялось с ликвидацией частной собственности и эксплуатации, а иногда и рыночной экономики, что связывалось с обобществлением (огосударствлением) средств производства, не считаясь с тем, возможно ли это, пока низок уровень развития производительных сил, пока ТРУД является главным источником общественного богатства, не разделяя этой роли с НАУКОЙ как непосредственной производительной силой. До тех пор никакое обобществление (огосударствление) средств производства не устранил НИЩЕТУ и БЕДНОСТЬ и связанную с ними борьбу людей за индивидуальное существование с использованием силы и власти, с ростом бюрократии, сохранением новых государственно-бюрократических форм эксплуатации и угнетения, соответствующих социальных антагонизмов, не совместимых с социализмом. Это не понималось.

Следует сказать, что эта ошибочная теория, связывавшая социализм с невысоким уровнем развития производительных сил, отождествлявшая его лишь с обобществлением, постепенно, шаг за шагом, под давлением опыта изживалась (хотя многими она разделяется и сегодня), ибо становилось все очевиднее; что обобществление средств производства само по себе социализма не дает, а преждевременное упразднение рынка, товарно-денежных отношений,

частной собственности сплошь и рядом оборачивается застоєм и упадком экономики, объявляющей себя социализмом.

РАЗЛИЧИЯ проявлялись в том, как реализовывалась эта ошибочная теория в каждой стране, какие это имело практические последствия и как, каким путем преодолевалась эта ошибочная трактовка. В СССР и ряде других стран она преодолевалась путем осуждения ИСТОРИЧЕСКОГО ЗАБЕГАНИЯ и преодоления его негативных последствий на практике. В Китае преодоление этого ошибочного понимания осуществлялось при помощи концепции начального этапа социализма⁶. Если само ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАБЕГАНИЕ, опираясь на мысли Маркса и Энгельса, связывалось с неизбежным при нем перерождением социалистического развития в «казарменный коммунизм», предполагающий утрату социалистической перспективы и выход на историческое бездорожье, то китайская КОНЦЕПЦИЯ НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ СОЦИАЛИЗМА позволяла изобразить отрицательные черты сталинизма и маоизма как неизбежные издержки этой «начальной стадии социализма» (так оправдывалось многое содеянное властями как раз тогда),

⁶ Разработка концепции этого этапа – заслуга КПК, Дэн Сяопина. «Дело, которым мы занимаемся в настоящее время, – говорил Дэн, – является новым делом. Маркс о нем не говорил, наши предшественники не делали, а другие социалистические страны тоже не занимались, готового опыта для изучения нет. Нам остается только учиться в процессе работы, вести поиск в процессе практики» («...Изм», 1998, № 2 (17). С. 132). В чем суть концепции? На последнем, XV съезде КПК так говорилось об этом: «Начальный этап социализма есть исторический этап, обусловленный постепенным избавлением от неразвитости и осуществлением в основном социалистической модернизации. Это исторический этап постепенной трансформации аграрной страны, в которой занятое в сельском хозяйстве население занимает очень большой удельный вес и опирается в основном на ручной труд, в промышленную страну, где большинство составляет несельскохозяйственное население и где существуют современное сельское хозяйство и современная индустрия сервиса. Это исторический этап постепенного перехода от занимающего очень большой удельный вес натурального, полунатурального хозяйства к экономике с достаточно развитыми рыночными отношениями. Это исторический этап постепенного перехода от состояния, при котором очень большой удельный вес занимает неграмотное и полуграмотное население и находятся в отсталом положении наука и техника, образование и культура, к достаточно развитым науке и технике, образованию и культуре. Это исторический этап постепенного перехода от состояния с очень большим удельным весом бедного населения и низким уровнем жизни народа к достаточно обеспеченной жизни всего народа... Это исторический этап создания и совершенствования путем реформ и поиска достаточно зрелых, жизнеспособных системы социалистической рыночной экономики, политической системы социалистической демократии и других соответствующих систем». Доклад Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзяминя на XV Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (12 сентября 1997 года) // «...Изм», 1998, № 2 (17). С. 132.

благодаря чему прямые следствия СУБЪЕКТИВНЫХ ОШИБОК и СОВЕРШЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ превращались в естественный результат ОБЪЕКТИВНЫХ УСЛОВИЙ того времени.

Нетрудно догадаться, что эти ПРИНЦИПИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ в подходе к негативным явлениям в жизни той и другой страны не раз приводили к ИДЕЙНЫМ РАСХОЖДЕНИЯМ и ОСТРОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ между КПСС и КПК (например, по оценке сталинизма и культа личности, о сущности коммун и их места в истории, о роли термоядерного оружия, допустимости или недопустимости третьей мировой войны и вообще об отношении к принципу «цель оправдывает средства» и т. д.). Стремление китайских лидеров тем или иным путем оправдать крайние меры, весьма пагубные для дела социализма, было важным ориентиром маоизма в оценке пройденного пути как в Китае, так и в СССР.

Указанное различие в подходах особенно рельефно обнаруживается, когда речь идет о втором важнейшем элементе концепции перемен – об итогах уже пройденного пути, о характере созданного устройства. Сравнивая дискуссии по этому и другим вопросам в Китае и бывшем Советском Союзе, Л. П. Делюсин пишет так: «Одной из важнейших тем, затрагиваемых в дискуссиях и в Китае и в бывшем Советском Союзе, является оценка прошлого, выяснение, каким было общество до начала реформ»⁷.

Позиция официального китайского руководства сводится к тому, что в Китае в результате революции и проведенных после нее преобразований в середине 50-х годов начался начальный этап социализма, в рамках которого страна находится и сегодня: «С начала вступления Китая в начальный этап социализма в середине 50-х годов и по настоящее время прошло более 40 лет развития, особенно развития в последние около 20 лет, в итоге которого намного вырос уровень производительных сил страны, достигнут очень большой прогресс в различных областях»⁸. Однако успехи нельзя преувеличивать: «Социалистический строй еще несовершенен, система социалистической рыночной экономики незрелая, социали-

⁷ Делюсин Л. П. Дискуссия в Китае и в России о социализме // Россия и современный мир. 1994. № 2. С. 43–44.

⁸ См.: «...Изм». С. 132.

стическая демократия и законность еще нуждаются в укреплении, в обществе широко распространенным влиянием все еще пользуются прогнившая идеология феодализма и капитализма и сила привычки мелких производителей. Наше социалистическое общество по-прежнему находится на начальном этапе»⁹.

В современном Китае не принято детально анализировать ошибки прошлого. И все же признается, что ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАБЕГАННИЕ было одной из коренных причин допущенных просчетов и ошибок. «Одна из коренных причин наших просчетов в строительстве социализма, – говорилось в докладе на XV съезде КПК, – до 3-го пленума ЦК 11-го созыва состояла в том, что в движении ряда задач и политических установок мы выходили за пределы начального этапа социализма. Одна из коренных причин наших успехов в проведении реформы и открытости за последние почти 20 лет кроется в том, что были преодолены ошибочные взгляды и политика, **обгонявшие** (подчеркнуто мной. – А. Б.). Весьма различались наши отечественные оценки того общественного устройства, которое было создано в Советском Союзе. Самые крайние псевдodemократические критики социализма чернили все советское прошлое и звали вернуться на «общецивилизационный путь» – к капитализму. Имелись и другие оценки, не считавшие социализм утопией, но резко осуждавшие сталинизм за тот непоправимый вред, который он нанес социализму. Утверждалось, что сама по себе социалистическая идея остается жизнеспособной, ибо ее корни заложены в глубинной почве общественного бытия. Ее питали и будут питать устремления людей к справедливому обществу, где не будет ни эксплуатации человека человеком, ни социального гнета, к обществу, где будут на практике реализованы идеалы братства, равенства, свободы и справедливости»¹⁰.

Свои оценки нашего дореформенного развития и его результатов – созданного общественно-экономического устройства дают и китайские авторы. Чаще всего послеоктябрьский и сталинский периоды развития советского общества оцениваются высоко. В этот период, как пишут авторы коллективного исследования «Историче-

⁹ См.: «...Изм». С. 132.

¹⁰ Делосин Л. П. Дискуссия в Китае и в России о социализме // Россия и современный мир. М., 1994. № 2. С. 45.

ский взгляд на эволюцию в СССР», были достигнуты «колоссальные успехи» (развитие производительных сил, индустриализация, рост совокупной мощи и главное – построение социализма и победа в антифашистской войне). Но были также «проблемы и ошибки» сталинского периода, в том числе «несовместимые с сущностью социализма: неразвитость социалистической демократии, а также «хлипкая и беспрерывно подвергавшаяся разрушению законность»¹¹. Эти издержки напрямую связаны с созданной Сталиным высокоцентрализованной политико-экономической системой, которая была как бы объективной необходимостью, «порождением определенной эпохи и определенных условий», она исторически «отвечала уровню развития производительных сил советского общества в начале его существования»¹². Здесь нетрудно видеть проявление китайской концепции начальной стадии социализма с ее оправданием просчетов и преступлений.

Но уже в послесталинский период этот сверхцентрализм стал тормозом развития, что привело к целой полосе реформ: «Вслед за смертью Сталина, – говорится в другой китайской книге, – руководящее ядро страны постоянно менялось. После утверждения лидирующих позиций Хрущева СССР постепенно вступил на путь реформ. Последующие руководители – Брежнев, Андропов, Черненко – в той или иной степени проводили реформы, однако в основном они ограничивались поиском в первоначально начертанных рамках и характеризовались несущественным продвижением вперед»¹³. Трудности и препятствия для развития накапливались. «Когда Горбачев пришел к власти, не проводить реформы было нельзя, иного пути не было, однако вопрос в том, как нужно было вести реформы. Он пошел по пути полного отступления от социалистического направления, это и привело к изменениям в СССР и к его развалу»¹⁴.

¹¹ Исторический взгляд на эволюцию в СССР. Пекин, 1994. С. 49.

¹² Исторический взгляд на эволюцию в СССР / Под редакцией Цзян Люи, Чэнь Чжихуа. Пекин: Изд-во АОН КНР, 1994. 368 с.

¹³ Современная мировая политика, экономика и международные отношения / Главный редактор Фэнь Тэцзюнь. Пекин. 1994. С. 153.

¹⁴ Там же. С. 182.

Так обстоит вопрос с пониманием социализма как ЦЕЛИ перемен и оценки дореформенного общества как ОБЪЕКТА намечаемых перемен. Но главной частью концепции перемен должна была стать трактовка самого ПЕРЕХОДА.

Урок **второй**. Мало иметь общую концепцию перемен, определяющую ОБЪЕКТ перемен, его ЦЕЛЬ, осознание необходимости пройти от первого ко второму. Нужна была СТРАТЕГИЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ, определяющая то, как относиться к уже созданному, рисующая ПУТЬ, СРЕДСТВА И СИЛЫ, обеспечивающие необходимый переход, а также то, как обеспечить мобилизацию необходимых общественно-политических сил, творцов перемен.

Поскольку и в СССР (России), и в Китае в ходе необходимых перемен речь шла в сущности о преодолении последствий ИСТОРИЧЕСКОГО ЗАБЕГАНИЯ, связанного с забеганием преждевременного упразднения еще не изжитых, необходимых общественных форм, то намеченные ПУТЬ и СРЕДСТВА перемен были не чем иным, как СТРАТЕГИЕЙ ВОЗВРАЩЕНИЯ к еще не изжито-нужному. Короче, это должен был быть комплекс мероприятий, обеспечивающих возврат к тому социально-экономическому рубежу, где можно было, не впадая в регресс, восстановить не изжитое как условие прогресса. Безошибочно решить такую задачу можно было, только строго соблюдая МЕРУ ВОЗВРАЩЕНИЯ, достаточно решительного, чтобы восстановить напрасно упраздненное, и вместе с тем весьма взвешенного и осторожного, чтобы не стать жертвой обыкновенного регресса. МЕРА ВОЗВРАЩЕНИЯ – ключевой вопрос в понимании необходимых перемен как для Китая, так и для России.

Другой не менее важный вопрос, связанный с переменами: какие общественные ценности должны лежать в основе перемен, чьи интересы должны ставиться во главу угла, какой должна быть цена перемен, кто должен быть демиургом, творцом намечаемых перемен?

Как раз в решении этих двух ключевых вопросов, определяющих суть перемен, и возникло принципиальное расхождение того, что делалось в Китае, в сравнении с тем, что осуществлялось в России.

Китай первым оказался перед этими проблемами. «До начала реформ экономика Китая, – пишет Тун Жуйши, – представляла собой закрытую плановую систему, скопированную с экономической модели СССР. Была создана замкнутая система самообеспечения тяжелой промышленности. Отрицание объективных экономических законов привело к таким уродливым явлениям, как «большой скачок», или «культурная революция». Влияние политики на экономику вызвало в ней серьезный дисбаланс»¹⁵.

В этой обстановке состоялся исторический третий пленум ЦК КПК 2-го созыва (1978), принявший решение сосредоточить внимание на экономическом строительстве. Обращаясь к сути дела, китайские руководители приняли здесь весьма взвешенные решения. Поскольку в прежние годы созданная экономическая система при всех своих недостатках длительное время развивалась достаточно результативно, решая поставленные задачи, удовлетворяя многие общественные потребности, китайские руководители пришли к такому принципиальному выводу: нет оснований для перечеркивания сделанного и отбрасывания недавнего прошлого, для отказа от уже пройденного пути и разрушения уже созданных социально-экономических основ общественной жизни. Тем самым было определено главное – был избран путь не разрушительных катаклизмов и необдуманных переворотов, а путь взвешенных реформ, эволюции, градуализма, постепенности, путь «исправления ошибочного и использования правильного», т. е. путь сохранения прежней экономики, удержания достигнутого и устранения негативного. Отсутствие катаклизмов – характерная черта перемен в Китае последних десятилетий.

Не менее важным был и другой вывод: задуманное делается для народа и может быть осуществлено только при его поддержке, а значит, перемены должны быть направлены на улучшение жизни народа, его большинства, согласуясь с его главными ценностями – социальным равенством и социальной справедливостью. Следовательно, необходимо было не отказываться от социализма, а совер-

¹⁵ Тун Жуйши. Анализ изменения способа экономического роста в континентальном Китае // Чжунго дагу Яньзю. 1996. № 39–6. С. 5.

шенствовать его, обогащать тем, что было преждевременно устранено, но исторически не изжито.

Иной была ситуация в Советском Союзе: осознав отрицательные последствия ИСТОРИЧЕСКОГО ЗАБЕГАНИЯ и понимая необходимость ВОЗВРАЩЕНИЯ к еще не изжитым общественным формам, отечественные лидеры при этом утратили МЕРУ в понимании необходимого возвращения, превращая свой выбор из условия прогресса в обыкновенный регресс – в возвращение к уже изжитым общественно-экономическим формам: это выражалось и в отказе от прежней системы ценностей, и в возврате к уже изжитым формам. «Они, – пишет Лоуренс Р. Клейн об этих реформаторах, – пытаются одновременно ввести рыночную систему и продать или передать государственные предприятия в частную собственность. По их мнению, частные предприятия всегда более эффективны, чем государственные. В таких рассуждениях понятиям социального равенства, справедливости при распределении богатства отводится второстепенная роль»¹⁶.

Очевидно, что в отличие от Китая опыт наших отечественных перемен, начавшихся в 1985 году, свидетельствует о том, что наша страна не располагала столь необходимыми для нее взвешенными решениями. Правда, вначале, в годы «горбачевской перестройки», еще делались попытки усовершенствовать имеющееся и таким путем добиться ускорения экономического развития. На этом этапе, когда и Китай и СССР пытались усовершенствовать существующую экономику, китайские реформаторы, по их признанию, рассчитывали на «олимпийскую супермедаль» за удачное ведение реформ (уже тогда быстрый рост китайской экономики весьма контрастировал на фоне стагнации и упадка советской экономики). Но когда, не веря в свои реформаторские способности в сфере экономики, перестройщики бросились реформировать политическую систему, а потерпев неудачу, уступили место реформаторам, ведомым Б. Ельциным, обнаружилось: СССР сошел с дистанции экономического состязания с Китаем, что СССР, а затем Россия избирают другую стратегию возвращения – к уже исторически изжитому

¹⁶ Китай: плюсы и минусы эволюционного перехода к рынку. М.: ИМЭПИ РАН, 1996. С. 32.

капитализму. Однако, по мнению китайских авторов, именно М. Горбачев «пошел по пути полного отступления от социалистического направления, это и привело к изменениям в СССР и к его развалу»¹⁷. Критикуя его ошибки, проложившие дорогу утрате социалистических ориентиров, в Китае отмечают, что «в СССР пышным цветом расцвела буржуазная идеология и свободно распространились антикоммунистические идеи. Поднимался на шит демократический социализм и отрицался реальный социализм, перечеркивались великие достижения социализма. Было ликвидировано ведущее положение общественной собственности»¹⁸. Здесь начинаются развилка, расхождение советских и китайских перемен, их смысла и результатов. Ведь ни у перестройщиков, ни у пришедших после «демократических» реформаторов, ведомых Б. Ельциным, никогда не было ясного представления о природе существовавшего в стране общества, плюсах и минусах его экономики, а потому не было и обоснованного представления о том, с помощью каких СРЕДСТВ и действий – революционных ломок или реформаторских изменений – вершить перемены, заменять неудобные порядки, ведущие к застою, новым экономическим устройством, способным к саморазвитию.

Следствием этого было то, что горбачевская «революция сверху», пытавшаяся через партийно-государственную номенклатуру обеспечить разбюрокрачивание «деформированного социализма», возвращение ему демократических и гуманных черт, внесла полную дезорганизацию во всю экономическую и политическую жизнь страны, возложила на плечи большинства граждан бремя самых разнородных бед и неурядиц, что быстро привело к утрате М. Горбачевым авторитета в обществе. После того как попытка ГКЧП вернуть страну к доперестроечным порядкам потерпела фронтальное поражение и к власти пришли ельцинские реформаторы, они пошли по пути капитализации страны в надежде на то, что, «разрушив до основания» существующий строй, принимаемый ими за социализм, они на его развалинах воздвигнут цивилизованный капитализм и тем обеспечат России выход на торную дорожку обще-

¹⁷ Современная мировая политика; экономика и международные отношения. Пекин, 1994. С. 182.

¹⁸ Там же. С. 181.

ственного прогресса. Поскольку этот путь трансформации находился в глубоком противоречии с коренными интересами большинства россиян, противоречил их менталитету и вековым традициям, эксперимент либеральных демократов оказался обреченным на неудачу, что и стало все явственнее проявляться в жизни общества уже после 1992 года, но особенно после 1995-го.

Урок третий. Разработка общей концепции перемен, определяющей их ЦЕЛЬ, а также правильный выбор СРЕДСТВ, обеспечивающих достижение избранных целей или цели, еще не дает ответа на вопрос, с чего следует начать перемены: с идеологии, политики или экономики. Жизнь свидетельствует, что обоснованное решение этого вопроса часто оказывается крайне важным для хода и исхода преобразований.

Достаточно широко распространено мнение, согласно которому китайские лидеры, сконцентрировав свое внимание на экономике, экономических реформах, игнорируют политику и чуть ли не отказались от демократических перемен в политической системе. Это неверно!

Нужно быть или слишком наивным, или крайне ограниченным, чтобы считать возможным без глубоких политических перемен тот крутой поворот от левачества в экономике, который практиковал Мао, к тому экономическому здравому смыслу, которым характеризуется политика «социализма с китайской спецификой». Как уже говорилось, без предварительной политической борьбы, без тех качественных политических сдвигов и перемен, которые произошли со смертью Мао Цзедуна в 1977 году, и последующим разгромом «банды четырех» в Китае (этих наиболее оголтелых леваков), был бы невозможен приход к политическому руководству Китаем реформаторов во главе с Дэн Сяопином. Этот «революционный термидор» остается до сих пор слабо изученным, хотя, по моему мнению, является политическим ключом к удачному экономическому реформированию Китая.

Переход политической власти непосредственно в руки реформаторов, возглавляемых Дэн Сяопином, не решил и не решал проблем демократии в Китае: согласно избранной концепции, на данном этапе это было условием решительных экономических

перемен. Кстати, известные события 1989 года на Тяньаньмэнь были связаны как раз с заминками в экономике. Поэтому иногда встречающееся мнение, будто китайское руководство, занятое экономикой, чуть ли не забыло о политике, опять-таки неверно. Не кто иной, как Дэн Сяопин еще в 80-е годы, обращаясь к этим политическим вопросам, отмечал, что «главными изъянами в системе руководства партии и государства, в системе кадров являются бюрократизм, чрезмерная концентрация власти, патриархальщина, пожизненное закрепление за кадрами руководящей должности, а также всякого рода привилегии»¹⁹. Позже, в 90-е годы, отвечая критикам справа и слева, он же говорил: «Демократия – наша цель, но в государстве должна поддерживаться стабильность»²⁰. И на этапе, когда экономика находится в центре внимания, такой подход считают вполне разумным многие западные политологи. Так, французский международник Анри Эйро считает, что в Китае процесс демократизации не может и не должен произойти сразу, ибо в такой стране, «как Китай, массовый социальный взрыв или анархия, ведущие к дестабилизации, к ослаблению или утрате правительственного контроля, могли бы вызвать катастрофические последствия в мировом масштабе»²¹.

Иначе было в России: здесь многие трудности были связаны с попытками вести экономические и политические преобразования одновременно, что совершенно неразумно, ибо грозит общим обвалом, так как у общества для этого нет необходимых сил. И действительно: после 1985 года страна все время шла от кризиса к кризису.

Урок четвертый. Решение ключевого вопроса: с чего – с политики или экономики – следует начинать преобразования, еще не дает ответа на вопрос: а что и как следует менять в избранной сфере, где находятся стопорящие развитие механизмы, в чем они и как их устранить?

Китайские руководители, пришедшие к выводу, что нужно сначала накормить население, т. е. что следует начинать с экономики, а не с политики и уже потом переходить к проблемам политики и демократии, начали поиск механизмов, стопорящих развитие эко-

¹⁹ Дэн Сяопин. Избранные произведения. Пекин, 1983. С. 167.

²⁰ Дэн Сяопин. Избранные произведения. Пекин, 1993. С. 285.

²¹ Eyraud H. Cing reflexions... Defense nat. Paris, 1993. A. 49. P. 34.

номики. Они, и в первую очередь Дэн Сяопин, констатировали: в Китае разладился механизм связи между производством и распределением, между трудом и его стимулами. А потому, чтобы исправить ситуацию, нужно как можно шире использовать товарно-денежные отношения, перенести позитивный опыт рыночной экономики в китайское производство при сохранении основных социальных завоеваний трудящихся. На этом пути и сложилась концепция «социализма с китайской спецификой», учитывающая конкретную ситуацию, но сохраняющая суть прежней экономики – ее нацеленность на реализацию интересов трудящихся, а потому по-прежнему опирающуюся на поддержку большинства.

В отличие от этого опыт наших российских перемен свидетельствует: не сумев правильно оценить природу существовавшей в стране мобилизационной экономики, ее плюсы и минусы, наши горе-реформаторы сначала предали ее остракизму и очернительству, а затем стали следовать советам МВФ, предложившего монетаристским методом перестроить экономику независимой страны на колониально-капиталистический лад.

Из-за такого, в сущности, антинационального подхода, осуществляемого в обстановке распада СССР, экономика страны пошла под откос. Но особенно тяжелые последствия имело то, что стали разрушаться и распадаться экономические и политические связи, складывавшиеся десятилетиями и столетиями, начался распад сложившейся здесь единой государственности. Сегодня трудно не то что здраво взвесить, но и верно оценить те неисчислимые отрицательные последствия для народов СССР, которые имеет осуществленный Б. Ельциным, Л. Кравчуком и С. Шушкевичем сознательный развал СССР.

Урок пятый. Жизнь свидетельствует, что экономическая реформа никогда не может заключаться в капитализации страны. Это, как говорят в Одессе, «две большие разницы». Ведь экономическая реформа – совокупность мер, обеспечивающих подъем страны, улучшение положения большинства. А капитализация – это создание устоев эксплуататорского общества, деления всех на богатых и бедных, средство обогащения меньшинства за счет обнищания большинства.

Опыт Китая говорит о том, что отказ от капитализации не тождествен отказу от экономической реформы, что вполне возможен продуманный и сравнительно безболезненный переход от мобилизационной экономики к рыночной, а рыночная экономика вполне может сохранить социальную ориентацию на интересы большинства. Это означает, что рыночный социализм вполне возможен и его теория может получить новые импульсы от опыта Китая. Историческое значение опыта Китая как примера почти безболезненного перехода от экономики казарменного псевдосоциализма к устойчиво развивающейся экономике рыночного «социализма с китайской спецификой» нельзя переоценить: аналогичные задачи встают перед многими странами. Потому-то наших либералов, идущих от одного провала к другому, прямо-таки раздражает позитивный опыт Китая, показывающий всем, что должна была делать Россия, как должны были поступать многие страны «реального социализма», чтобы преодолеть свои трудности и выйти на торную дорожку прогресса.

Поэтому попытки изобразить тех, кто выступает против капитализации, в качестве противников реформ – это не заблуждения критиков, а сознательная фальсификация, нацеленная на дискредитацию противников, на дезориентацию своих сограждан.

Урок шестой, последний. Всякий раз, когда общество, преодолевая ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗАБЕГАНИЕ, возвращается к еще не изжитым, но преждевременно упраздненным общественным формам, возникает не только ИСТОРИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ нарушить необходимую историческую МЕРУ возвращения, перескочив через нужное и вернувшись к самому настоящему – уже изжитому прошлому, что является настоящим регрессом (что и осуществляет ныне Россия, призванная вернуться к рынку, а не капитализму!). Появляется и ЛОГИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ смешать **содержание и форму**: принять восстанавливаемые еще не изжитые социальные формы за будто бы осуществляемый возврат к прошлому содержанию.

Не случайно во всех странах, переживающих подобную историческую ситуацию, разворачивается острая идеологическая борьба вокруг сути слов и терминов. Достаточно вспомнить, как Дэн Сяо-

пин подчеркивал: рынок – это принадлежность не только капитализма, а план – не только социализма, а потому расширение рынка не в любом случае означает усиление капитализма, как думают леваки и правые. Осуждая леваков, Дэн Сяопин призывал их «сменить мозги», перестать бояться семейного подряда, не отождествлять его с «передачей земли единоличникам». Он призывал бороться и с правыми, путающими, рынок и базар, думающими, что рынок – «это место, где ты надуваешь меня, а я обманываю тебя».

Таковы только некоторые уроки, которые приходят на ум, когда сравниваешь опыт рыночных реформ в России и Китае.

* * *

Завершая сопоставление перемен в России и Китае, их сходств и различий, разного смысла и далеко не одинаковых результатов, хочу подчеркнуть, что, объявив одну и ту же цель – переход к рыночной экономике, две сравниваемые страны избрали для себя на этом пути разные исторические ориентиры и достигли принципиально разных результатов. Эта разность результатов – позитивных в Китае и негативных в России – вовсе не следствие **объективных обстоятельств**, а результат **субъективного выбора лидеров**, их разного отношения к своему народу и неодинаковых способностей найти и осуществить лучший для своей страны путь.

Китайские руководители, следуя избранному курсу – утверждения и совершенствования рыночного социализма, достигли неоспоримых результатов в воссоздании необходимой для этого рыночной экономики. «За годы реформы, – пишет Л. И. Кондрашова, – Китай значительно продвинулся в направлении становления рыночных отношений. По оценкам экспертов Госплана КНР, учитывающим в общей сложности 28 параметров, уровень маркетизации экономики КНР составляет сейчас 37% против 55% в США, 50% в Англии и Германии, 47% во Франции и Японии»²². В результате постепенной либерализации цен в большинстве своем они уже отпущены. Твердые государственные цены сохраняются только в отношении 88 видов товаров и услуг, включая стратегические това-

²² См.: Баранов М., Ревуцкий А. Об особенностях «социалистической рыночной экономики» в Китае. Ротапринт. Пекин. 1995. С. 2.

ры (сырая нефть, природный газ, частично уголь, прокат черных металлов, тарифы на железнодорожные перевозки)²³. Еще на 23 вида товарной номенклатуры осуществляется контроль на местном уровне. На многие виды товаров и услуг устанавливаются так называемые «направляющие цены», которые контролируются с помощью лимитов либо через установление формулы расчета цены, исходя из издержек производства и нормативной прибыли. Примерно 60% товаров и услуг реализуются по свободным, не контролируемым госорганами ценам²⁴. «Доля рыночных цен по закупкам сельхозпродуктов достигает 80–90%, по товарам розничной торговли 95%»²⁵. Значительно сужена сфера директивного планирования, вслед за ней сокращается система материально-технического снабжения; китайская экономика уже обрела черты смешанной многоукладной экономики. Следует особо подчеркнуть, что переход к рыночной экономике в Китае совершается при непрерывном росте экономики. «За последние 17 лет среднегодовой рост в экономике Китая составлял 9,8%»²⁶.

Наши отечественные руководители, начав продвижение к рынку в 1985 году, а с 1991 года стремясь возродить в стране рыночную экономику капиталистического типа, получили весьма отличные результаты. Нет спора о том, что усилиями еще дышащего отечественного производства, а главное – с помощью внешней торговли, широко открывшей двери для зарубежных товаров, удалось преодолеть один из главных недостатков нерыночной экономики прошлого – дефицит необходимых товаров. Но, идя к рынку, надо знать, как следует к нему идти, ибо «никто не заходит так далеко, как тот, кто не знает, куда он идет». А для нормального рынка необходимы не только товары для продажи, но и деньги у граждан-покупателей. Но, подменив рыночную реформу капитализацией страны, т. е. обогащением кучки миллионеров за счет обнищания миллионов, наши горе-реформаторы нанесли сокрушительный

²³ Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 2. С. 43.

²⁴ Гайгэ. 1995. № 1. С. 87.

²⁵ Кондратов Л. И. Китай: плюсы и минусы эволюционного перехода к рынку. М.: ИМ-ЭГШ РАН, 1996. С. 8–9.

²⁶ Тун Жуйши. Анализ изменения способа экономического роста в континентальном Китае // Чжунго дагу яньцзю. 1996. № 39–6. С. 5.

удар по обещаемому созданию рыночной экономики, ибо элитный рынок – это совсем не то, что характеризует рыночную экономику. «Ирония состоит в том, – пишут американские профессора А. Амсен и Л. Тэйлор, – что, несмотря на все разговоры о создании рыночной экономики, сокращение реальных доходов препятствовало формированию эффективных рынков»²⁷. Более того, несвоевременная выплата заработной платы и пенсий ведет не только к сужению рынка, но и к возобновлению допотопных форм обмена. Трудно сказать, что произойдет с рынком дальше при столь катастрофическом падении производства.

Таковы тут и там сравнительные итоги перемен. Заместитель директора Института Дальнего Востока РАН В. Я. Портяков рассказывает: «Год назад я был на конференции в Лондоне по Китаю, и когда я попытался затрагивать тему сравнения реформ в России и Китае, то услышал в ответ практически от всех: «А что сравнивать?» В России идет процесс деградации и деиндустриализации, мировое сообщество в принципе потеряло интерес к России»²⁸. Но это, пожалуй, явное преувеличение: Россия продолжает интересовать мир, а опыт Китая будет и дальше изучаться.

Думаю, что вполне можно согласиться с директором ИМЭПИ РАН, академиком О. Т. Богомоловым, который считает: «Опыт китайских реформ остается предметом пристального внимания со стороны тех, кто сам осуществляет реформы или ревностно наблюдает за быстрым экономическим возвышением этой страны. К сожалению, в России взгляд на китайские реформы нередко сильно политизирован. Противоборствующие политические силы усматривают в них именно то, что им хотелось бы видеть. Например, в материале российского посольства в Китае «Опыт китайских реформ» делается вывод о бесперспективности создания в этой стране «двухколейной» смешанной экономики. Авторы считают, что может быть либо социализм, либо рынок. Между тем сосуществование в Китае государственного и частного рыночного сектора пока сопровождается достаточно динамичным и успешным развитием. Очень важно отойти от политических предпочтений и провести

²⁷ Амсен А., Тэйлор Л. Рынок встретил достойного противника: реалии экономического перехода на Востоке Европы // Экономическая газета. 1995. № 35–38(54). С. 2.

²⁸ См.: Китай: плюсы и минусы эволюционного перехода к рынку. М., 1996. С. 68.

объективный анализ хода реформ. Лауреат Нобелевской премии американский экономист Лоренс Клейн допускает возможность рыночного социализма. Подтвердит или опровергнет китайская практика рыночной трансформации этот вывод, покажет будущее»²⁹.

Задача науки – анализировать действительное положение дел в китайской экономике.

²⁹ См.: Китай: плюсы и минусы эволюционного перехода к рынку. М., 1996. С. 62.